

A movie poster for the film 'Divorce in Live Broadcast'. The background is a news studio at night, with a woman in a dark blazer in the foreground looking off to the side. In the background, a man in a suit is visible behind a glass partition, and a city skyline is seen through the studio windows. The title is written in large, bold letters at the top.

РАЗВОД В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

В. К. КОСС

В.К. Косс

Развод в прямом эфире

<https://litres.ru/74425847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцать лет Ирина Громова создавала безупречный образ мужа — самого узнаваемого ведущего телеканала «Вектор». Но во время прямого эфира Вадим объявляет, что их брак давно закончен и у него другая женщина. Для зрителей это сенсация. Для Ирины — публичное предательство и угроза потерять профессию вместе с семьей.

Новый генеральный продюсер Максим Беляев предлагает ей за шесть недель создать программу, которая заменит шоу бывшего мужа. Их союз должен остаться деловым: Максим привык контролировать все, а Ирина больше не позволит никому распоряжаться ее жизнью.

Однако расследование первого выпуска приводит к опасным документам. Вадим скрывал не только измену, а правда угрожает репутации всего канала. Теперь Ирине предстоит решить, готова ли она снова промолчать ради чужого успеха — или впервые выйти в эфир под собственным именем.

Содержание

Глава 1. Сорок секунд до рекламы	4
Глава 2. После красной лампы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

В.К. Косс

Развод в прямом эфире

Глава 1. Сорок секунд до рекламы

За сорок секунд до рекламного блока Вадим перестал читать текст с суфлера.

Ирина поняла это раньше остальных. Не по паузе — паузы он выдерживал безупречно, — а по тому, как положил карточки на стол. Обычно держал их в левой руке до последней фразы, хотя почти никогда не смотрел. Карточки были частью образа: серьезный разговор, подготовленные вопросы, уважение к собеседнику. Сейчас он аккуратно совместил края и прижал ладонью.

Так он делал дома, когда собирался сказать то, что уже решил за двоих.

— Вторая камера, средний, — приказала Ирина. — Кристина, не перебивай. Двадцать восемь секунд.

В аппаратной никто не повернул головы. Перед ними светилась стена мониторов: Вадим за овальным столом, его соведущая Кристина Лаврова, гость выпуска — актер, который десять минут рассказывал о возвращении на сцену после тяжелой операции. На крайнем экране шла лента сообщений. Красные цифры над центральным монитором отсчитывали

время до рекламы.

В наушнике коротко треснул голос выпускающего редактора:

— Ирина, он снял следующую подводку.

— Вижу.

Вадим поднял глаза точно в объектив первой камеры.

— Сегодня мы много говорили о том, можно ли начать жизнь заново, — произнес он. — И я был бы нечестен с вами, если бы продолжал задавать этот вопрос другим, не ответив сам.

У Ирины под пальцами лежал бумажный план эфира. В правом поле напротив этой минуты было написано: «Вопрос зрителей, подведение итогов, реклама». Красный механический карандаш прокатился до края пульта, но она поймала его прежде, чем он упал.

— Двенадцать секунд, — сказала Саша Ким за режиссерским пультом. В ее голосе впервые за вечер появилась растерянность. — Уводить?

На запасном мониторе уже стояла рекламная заставка. Достаточно было одной команды. Вадим успел бы произнести еще предложение, после чего музыка заглушила бы его, а зрители решили бы, что произошел технический сбой.

На гостевом диване актер замер, не понимая, относится ли новая тема к нему. Кристина смотрела на Вадима. Не удивленно. Она ждала.

— Остаемся, — сказала Ирина.

— Семь секунд.

— Рекламу по моему сигналу.

Вадим продолжал:

— Мы с Ириной давно перестали быть мужем и женой в настоящем смысле. Последние месяцы нас связывали работа, дочь и уважение к тому, что было прожито вместе.

Красные цифры дошли до нуля. Рекламный блок не начался. Техник справа от Ирины снял руку с клавиши и уставился на нее, ожидая подтверждения.

Она кивнула. Остаемся.

Давно.

Утром Вадим спрашивал, заберет ли она костюм из химчистки. В воскресенье они завтракали вдвоем и обсуждали подготовительные курсы Лизы. Три дня назад он лег рядом, положил ладонь Ирине на бедро и уснул раньше, чем она успела ответить на это привычное движение.

Наверное, в его понимании все это и называлось «давно перестали».

— Я не хотел, чтобы о переменах в нашей семье вы узнали из слухов, — сказал Вадим. — В моей жизни есть человек, которого я люблю. Это Кристина.

Саша выругалась одними губами.

На пятом мониторе появилась Кристина крупным планом. Камера взяла ее автоматически: оператор увидел поворот ведущего и выполнил работу. Кристина не улыбнулась. Опустила глаза, затем посмотрела в объектив. На ней был

серо-голубой костюм, который Ирина одобрила на утренней примерке. Спокойный цвет, не спорящий с одеждой гостя.

Вадим протянул руку. Кристина положила пальцы на его ладонь.

В аппаратной стало тихо, хотя в наушниках одновременно говорили трое.

— У нас превышение сорок три секунды.

— Рекламная служба спрашивает, что происходит.

— В сети уже режут фрагмент.

Ирина нажала кнопку внутренней связи.

— Первая камера, оставайся на общем. Пятую не давать. Вадим, завершай. После твоей фразы уходим на рекламу.

Он услышал ее. На мгновение взгляд с объектива сдвинулся, будто между студией и аппаратной не было стены, проводов и десятка людей. Потом Вадим снова принял выражение, которое зрители считали искренним.

— Я понимаю, что эта новость многих удивит. Прошу уважать частную жизнь наших близких. Особенно моей дочери.

Ирина нажала клавишу.

— Реклама.

По мониторам прошла заставка. Улыбающаяся женщина открыла дверцу нового холодильника, и веселая музыка ударила по аппаратной так громко, что звукорежиссер поспешно убрал уровень.

Саша развернулась к Ирине всем креслом.

— Ты знала?

— Нет. Сколько у нас блока?

— Четыре двадцать.

— Снимаем разговор после рекламы. Ставим записанный сюжет про мастерскую и возвращаем гостя только на финальное прощание. Предупредите его агента. Кристине отдельный микрофон не открывать без команды.

— Ира...

— Через четыре минуты мы снова в эфире.

Саша задержала на ней взгляд, потом повернулась к пульта.

— Принято. Первый ассистент, в студию. Гостя оставляем. Ведущим новые карточки.

Люди заговорили одновременно. В наушниках побежали подтверждения. Ирина вычеркнула красным карандашом две страницы плана и написала на полях новое время. По черк оставался ровным.

Телефон возле ее локтя завибрировал. На экране стояло имя дочери.

«Мам, это правда?»

Ирина набрала: «Я дома все объясню. Не отвечай никому. Я люблю тебя».

Сообщение не ушло. Сеть в аппаратной иногда пропадала, когда одновременно работало слишком много оборудования. Она нажала отправить еще раз и положила телефон экраном вниз.

— Две минуты, — сказала Саша. — Что делать с ним?

На мониторе Вадим разговаривал с ассистентом. Кристина сидела, сложив руки на столе. Гость поднялся и отошел к декорации, где его встретила редактор. Вадим выглядел спокойным. Только ворот рубашки был расстегнут на одну пуговицу больше, чем в начале эфира.

— Он закрывает выпуск, — ответила Ирина. — Мы не будем оставлять гостя отвечать за чужое решение.

— А Кристина?

— Останется за столом. Если убрать ее сейчас, получится, что канал осуждает или оправдывает то, о чем еще ничего не знает.

Саша коротко кивнула. Это был рабочий ответ, и за него можно было держаться.

Дверь аппаратной открылась. На пороге появился мужчина в темном костюме без галстука. Ирина видела его утром на общем собрании, но они не разговаривали. Максим Беляев, новый генеральный продюсер. Совет директоров привел его спасти канал, когда падение рейтингов перестало помещаться в бодрые презентации.

Он не стал спрашивать, что случилось. Посмотрел на мониторы, на новый план перед Ириной и на таймер рекламного блока.

— Кто принимает решение по эфиру? — спросил он.

— Я, — ответила Ирина.

— Можете закончить выпуск?

Она не сразу поняла, чего ждала: распоряжения отстра-

нить Вадима, сочувствия, требования немедленно использовать момент. Беляев задал только один вопрос.

— Могу.

— Что вам нужно?

— Чтобы рекламная служба до конца выпуска ничего не публиковала. Ни цитат, ни фотографий, ни опросов. И чтобы запись из аппаратной не ушла наружу.

Он достал телефон.

— Еще?

— До конца эфира — ничего.

— Принято.

Беляев отошел к стене и начал писать сообщения. Он не занял свободное кресло и не встал у Ирины за спиной. Это было настолько точным движением, что она заметила его вопреки всему остальному.

— Тридцать секунд, — предупредила Саша.

Ирина включила связь со студией.

— Вадим, после рекламы даешь подводку к мастерской. Никаких продолжений личной темы. После сюжета возвращаешь гостя, благодаришь и закрываешь выпуск по карточке.

— Нам надо закончить мысль, — ответил он.

— Ты ее закончил.

— Зрители должны понимать...

— Двадцать секунд, — сказала Ирина. — Или читаешь подводку, или после заставки в кадре будет только Кристина.

Он посмотрел в сторону стекла. Кристина что-то сказала ему без микрофона. Вадим взял новую карточку.

— Хорошо.

Ирина откинулась на спинку кресла ровно на один вдох.

— В эфир через пять, четыре, три...

Музыка закончилась. Красная лампа снова загорелась.

Вадим прочитал подводку без единой ошибки.

После финальных титров никто не хлопал.

Обычно Вадим выходил из студии последним. Он принимал поздравления гостей, делал общую фотографию, иногда записывал короткий ролик для страницы канала. Сегодня дверь распахнулась почти сразу.

Ирина успела сохранить план эфира, снять гарнитуру и передать Саше список материалов, которые нужно было закрыть от общего доступа. В коридоре уже стояли сотрудники редакции. Никто не подходил. Они смотрели в телефоны с тем усердием, которое выдавало любопытство лучше любого вопроса.

Вадим шел к ней, не замечая людей. Кристина держалась в нескольких шагах позади. На экране телефона у младшего редактора без звука повторялся крупный план их соединенных рук.

— Нам нужно поговорить, — сказал Вадим.

— В переговорной.

— Ира, не надо устраивать совещание.

Она открыла ближайшую стеклянную комнату и включила свет.

— Ты сделал это на глазах у всей редакции. Теперь стеклянная переговорная тебя не должна смущать.

Он вошел первым. Кристина остановилась у двери.

— Мне присутствовать? — спросила она.

Ирина посмотрела на женщину, с которой утром обсуждала длину рукава. Кристина была бледнее, чем в студии, но взгляд не отводила.

— Нет. Разговор о нашем браке пока касается меня и Вадима.

— Ты только что оставила ее в кадре, — возразил он.

— Я оставила в кадре соведущую действующей программы. Это была работа.

Кристина первой поняла, что спорить бессмысленно.

— Я буду в гримерной, — сказала она Вадиму и ушла.

Он закрыл дверь.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

Ирина положила папку на стол. Фраза была настолько плохой, что почти облегчала задачу.

— Как именно ты хотел?

— Спокойно. Дома. После эфира.

— Сегодня?

Вадим потер ладонью подбородок. На среднем пальце блеснуло обручальное кольцо. Перед эфиром гример попросила его не снимать: на руке оставался светлый след.

— В ближайшие дни.

— Почему сегодня в эфире?

— Фотографии уже были у двух изданий. Сергей предупредил за час до программы. Если бы материал вышел без нашего комментария, нас бы неделю преследовали у дома. Я взял ситуацию под контроль.

— Чью ситуацию?

— Общую.

— Лиза узнала из телевизора.

Он отвел взгляд всего на секунду.

— Я позвоню ей.

— Сейчас не надо.

— Она моя дочь.

— Поэтому ты должен был подумать о ней до того, как попросил уважать ее частную жизнь у нескольких миллионов зрителей.

Вадим оперся ладонями о стол. Еще утром этот жест означал, что он устал и просит не усложнять. Ирина знала все его жесты. Она семь лет выбирала, какой из них показать крупным планом.

— Мы давно жили как коллеги, — сказал он. — Ты не можешь этого отрицать.

— Когда начался ваш роман?

— Сейчас важнее решить, что говорить дальше.

— Когда?

— Ирина, давай не превращать это в допрос.

— Восемнадцать лет брака закончились в прямом эфире. Я имею право хотя бы на дату.

Он выпрямился.

— Весной.

Сейчас была середина сентября. Весной они ездили выбирать для Лизы курсы, праздновали день рождения Ирины, спорили из-за ремонта в спальне. Вадим подарил ей билеты в театр и всю дорогу домой рассказывал, как редко им удастся побыть вдвоем.

— В марте? В апреле?

— Какая разница?

— Для тебя, видимо, никакой.

— Я понимаю, что ты зла.

— Нет. Пока нет. Я составляю список фактов.

Вадим вздохнул и сел. Он выбрал место спиной к коридору, чтобы сотрудники не видели лица. Даже теперь не забывал о камере, которой не было.

— Сергей подготовит заявление. Там будет сказано, что мы расстались несколько месяцев назад и не объявляли об этом ради дочери. Никаких обвинений. Ты сохраняешь должность. Мы спокойно обсуждаем квартиру и деньги.

— Сохраняю должность?

— Не цепляйся к словам. После сегодняшнего у руководства возникнут вопросы. Если мы покажем, что личная история не влияет на программу, все останется как раньше.

— Ты объявил о любовнице во время передачи, которую

выпускаю я. А теперь предлагаешь мне доказать, что личная история не влияет на работу.

— Я предлагаю защитить то, что мы строили.

— Ты уже выбрал, что защищаешь.

Дверь открылась без стука. Максим Беляев остался на пороге.

— Вадим Сергеевич, через десять минут вас ждет юрист канала. До разговора с ним никаких публикаций и звонков от имени «Вектора».

— Я сам решаю, что говорить о своей семье.

— О семье — да. От имени канала — нет.

Вадим усмехнулся.

— Вы быстро освоились.

— Мне помог первый рабочий день.

Беляев посмотрел на Ирину.

— Машина нужна?

— У меня своя.

— Тогда охрана проведет вас через служебный выход. У главного уже журналисты.

— Я закончу здесь и поеду.

— Хорошо.

Он прикрыл дверь. Вадим проводил его взглядом.

— Вот видишь? Через час тебя будут выводить как пострадавшую жену. Завтра из этого сделают войну. Нам обоим выгодно остановить ее сейчас.

Ирина взяла со стола красный карандаш. На дереве воз-

ле металлического наконечника осталась небольшая вмятина от ее пальцев.

— Пришли заявление мне и адвокату.

Лицо Вадима смягчилось. Он решил, что она начала соглашаться.

— Конечно. Мы можем все оформить достойно.

— Я прочитаю. Чтобы знать, какую именно ложь ты предлагаешь мне подтвердить.

— Ира.

— Мы не расставались несколько месяцев назад. Сегодня утром ты просил забрать твой костюм. В воскресенье мы завтракали семьей. Ты жил со мной, спал со мной и собирался продолжать, пока фотографии не попали журналистам.

Он поднялся.

— Не говори так, будто между нами все было нормально.

— Нормально не было. Но это не делает твою версию правдой.

— Подумай о Лизе.

Ирина открыла дверь.

— Именно поэтому я не стану учить ее, что удобная ложь называется уважением.

В коридоре стало еще тише. Она вышла, не оглядываясь. У аппаратной ее ждала Саша с сумкой и пальто.

— Я могу поехать с тобой, — предложила она.

— Тебе завтра к восьми. Проверь, чтобы исходная запись и служебный журнал сохранились в архиве по обычной про-

цедуре. Никаких копий себе.

— Уже дала команду.

— Спасибо.

Телефон снова завибрировал. Сообщение Ирине наконец ушло. Ответ Лизы состоял из трех слов:

«Я уже видела».

Ирина надела пальто. Впервые за вечер ей пришлось остановиться, потому что пальцы не попали в пуговицу.

Саша сделала шаг к ней, но не стала помогать. Просто встала рядом и закрыла собой обзор из коридора.

Через минуту Ирина справилась сама.

Глава 2. После красной лампы

У служебного выхода пахло мокрым асфальтом и табаком. Охранник выглянул первым, попросил Ирину подождать и вернулся через полминуты.

— Двое у шлагбаума, — сообщил он. — Еще машина на-
против. Можем вызвать такси во двор.

— Моя машина на подземной стоянке.

— Тогда провожу до лифта.

Ирина поблагодарила. Она не стала спрашивать, откуда журналисты узнали, каким выходом пользуются сотрудники. На телеканале всегда находился человек, готовый сообщить чужой маршрут в обмен на упоминание или небольшую услугу.

В лифте охранник смотрел на цифры этажей. Перед парковкой он произнес:

— Моя жена любит вашу передачу.

— Спасибо.

— Я не про сегодняшнее.

— Я поняла.

Он хотел сказать что-то еще, но двери разошлись. Ирина быстро дошла до машины и только там заметила, что по-прежнему держит красный карандаш. Положила его в подстаканник, пристегнулась и включила двигатель.

Телефон показывал сорок семь пропущенных вызовов. В

верхней строке стояло имя Вадима, ниже — незнакомые номера, редакторы, соседка, школьная мать, с которой Ирина не разговаривала года три. От Лизы новых сообщений не было.

Она включила режим без звука и выехала со стоянки.

На первом перекрестке рядом остановилось такси. Пассажирка на заднем сиденье смотрела в телефон, и на экране мелькнуло лицо Вадима. Ирина узнала синий фон студии и собственный выбор кадра. Без звука признание выглядело почти торжественным: серьезный мужчина, красивая женщина рядом, осторожно соединенные руки.

Она отвернулась к светофору.

До дома было тридцать пять минут. Ирина знала этот путь настолько хорошо, что могла перечислить места, где обычно перестраивалась, не глядя на навигатор. Сегодня приходилось вслух называть себе действия.

Правый поворот. Пропустить автобус. Не превышать. На развязке держаться левее.

Рабочий прием помогал до тех пор, пока телефон не высветил имя дочери.

Ирина ответила через автомобильную связь.

— Лиза.

— Ты где?

— Еду домой. Буду через двадцать минут.

— Он приедет?

— Не знаю. Я попросила его пока тебе не звонить.

— Уже позвонил.

— Что сказал?

На линии возникла пауза.

— Что вы давно собирались развестись и не хотели меня расстраивать.

Ирина крепче взяла руль.

— Это неправда.

— Какая часть?

— Мы не собирались разводиться. По крайней мере, мне Вадим об этом не говорил.

Назвать его отцом сейчас не получилось. Назвать мужем — тоже.

— А про нее ты знала?

— Нет.

— Понятно.

— Лиза, я скоро буду.

— Я закрыла страницу. Но мне пишут в школьный чат. Можно я завтра не пойду?

Первым желанием было согласиться, запереть дочь дома, забрать ее телефон и не выпускать, пока чужой интерес не найдет новую пищу. Ирина заставила себя спросить:

— Ты сама хочешь остаться или думаешь, что я хочу тебя спрятать?

— Я не хочу отвечать на вопросы.

— Тогда останься. Утром напишем классному руководителю, что это семейная причина. Подробности никому не

нужны.

— Хорошо.

— Ты одна?

— Бабушка звонила. Я не взяла.

— Правильно. С ней я поговорю сама.

— Мам, только не приезжай и не делай вид, что все нормально.

Ирина остановилась перед красным сигналом.

— Не буду.

Лиза отключилась.

Дом встретил Ирину светом на кухне и тишиной в остальных комнатах. Дочь сидела за столом в толстовке поверх домашней футболки. Перед ней остывала тарелка макарон. Телефон лежал на холодильнике, куда Лиза не могла дотянуться с места.

Ирина сняла пальто, вымыла руки и села напротив.

— Ты ела?

— Немного.

— Я могу разогреть.

— Не надо.

Лиза была похожа на Вадима разрезом глаз и привычкой втягивать щеки, когда сдерживала слова. Сейчас сходство причиняло боль, но не дочери и не по ее вине.

— Я отвечу на все, что знаю, — сказала Ирина. — Но пока я знаю мало.

— Ты его выгонишь?

— Я не хочу, чтобы он сегодня приезжал. Что будет дальше, решим после разговора с адвокатом.

— С адвокатом уже?

— Он объявил о другой женщине публично и предложил мне подписать заявление о том, что мы давно расстались. Мне нужен человек, который понимает последствия лучше меня.

Лиза провела вилкой по краю тарелки.

— Значит, вы разведетесь.

Это не был вопрос. Ирина могла попросить время, сказать, что взрослые сначала должны разобраться. Такими фразами Вадим уже прикрыл собственное решение.

— Да, — ответила она. — Я подам на развод.

Лиза кивнула и посмотрела в окно.

— Я не хочу выбирать, с кем жить.

— Тебе почти восемнадцать. Никто не будет таскать тебя из квартиры в квартиру по расписанию.

— Он сказал, что все равно останется моим папой.

— Останется.

— А если я буду с ним разговаривать, ты не решишь, что я за него?

Ирина потянулась через стол, но остановила руку, прежде чем коснуться дочери. Лиза заметила и сама пододвинула ладонь.

— Ты не обязана быть за кого-то из нас. И не обязана передавать сообщения. Если я начну спрашивать, что он тебе

говорила, можешь остановить меня.

— Ты сейчас как на работе.

— Возможно.

— Но лучше так, чем если бы ты плакала и говорила, что все хорошо.

— Я еще могу заплакать.

— Только не из-за меня сдерживайся.

— Не буду.

Лиза наконец съела несколько вилок макарон. Потом спросила:

— Она давно с ним?

— Он сказал, что с весны. Я пока не знаю точнее.

— Ты ее каждый день видела.

— Почти каждый.

— Это мерзко.

Ирина не стала защищать Кристину и не стала соглашаться. Для дочери сейчас существовал простой мир, в котором чужую вину можно было разместить в одном человеке. Разрушать его немедленно не требовалось, но и поддерживать было нельзя.

— За наш брак отвечали мы с Вадимом, — сказала она.

— Кристина отвечает за свои поступки. Вадим — за свои.

— Очень справедливо.

— Нет. Просто так легче не перепутать.

В замке повернулся ключ.

Лиза замерла. Ирина поднялась раньше, чем дверь откры-

лась.

Вадим вошел с дорожной сумкой, которую обычно брал на съемки. Значит, успел попросить водителя заехать или подготовил ее заранее. На нем все еще был эфирный костюм, только галстук лежал в нагрудном кармане.

— Я за вещами, — сказал он.

— Хорошо.

— Лиз, можно тебя на минуту?

Дочь встала из-за стола.

— Я не хочу сейчас разговаривать.

— Я понимаю, что ты злишься.

— Вы оба все понимаете за меня.

Она взяла телефон с холодильника и ушла в комнату. Дверь закрылась без хлопка.

Вадим посмотрел на Ирину.

— Зачем ты сразу сказала про развод?

— Она спросила.

— Можно было не решать сегодня.

— Ты решил сегодня. В эфире.

— Я решил сказать правду.

— Тогда начни с даты.

Он прошел в спальню. Ирина осталась в коридоре. Через открытую дверь видела, как он достает рубашки и складывает их в сумку. Движения были быстрыми и привычными, будто он опаздывал в командировку.

— В апреле, — сказал Вадим. — Мы сблизились на вы-

ездной съемке.

— В Твери?

— Да.

Ирина помнила эту поездку. Вадим вернулся на день позже, потому что якобы не успели записать героя. Она сама согласовала дополнительную ночь в гостинице.

— Ты говорил, что съемка сорвалась.

— Она действительно сорвалась.

— А роман — нет.

— Не надо.

— Что именно не надо? Называть события словами?

Он застегнул сумку.

— Ты хочешь подробностей, которые потом не сможешь забыть. Я пытаюсь тебя от этого уберечь.

— Ты поразительно быстро нашел в своей измене способ позаботиться обо мне.

— Вот поэтому я и не хотел говорить сейчас.

Вадим взял из шкафа темное пальто. На его полке осталось слишком мало вещей: два костюма, несколько рубашек, старый свитер. Ирина посмотрела внимательнее. Исчезла спортивная сумка, запасные кроссовки, несессер.

— Ты собирался уйти, — сказала она.

— Я готовился к разным вариантам.

— Когда собрал вещи?

— Постепенно.

— Пока мы давно не были семьей?

Он не ответил.

Телефон Ирины снова завибрировал. На экране появилось сообщение от незнакомого номера: предложение дать комментарий за вознаграждение. Следом пришел файл от Вадима. «Совместное заявление. Версия 2».

— Сергей подготовил спокойный текст, — сказал он. — Посмотри сегодня. Утром надо публиковать.

— Я ничего не буду публиковать утром.

— Молчание будут трактовать против тебя.

— Пусть.

— Ты не понимаешь, как это работает.

Ирина посмотрела на него. Вадим произнес это искренне. Человек, которому она семь лет объясняла, почему нельзя спорить с гостем на повышенных тонах, почему опасно проносить неподтвержденную цифру и зачем выдерживать паузу после тяжелого признания, действительно считал, что только он понимает публичность.

— Отдай ключи, — сказала она.

— Я прописан здесь.

— Тогда оставь. Но предупреди сообщением, если захочешь приехать. Лизе сейчас нужен дом, в который никто не входит без предупреждения.

— Ирина, это и мой дом.

— Поэтому я прошу, а не меняю замок.

Он положил ключи на тумбу.

— Завтра поговорим нормально.

— Завтра я буду разговаривать с адвокатом.

Вадим взял сумку и задержался у двери.

— Ты сейчас действуешь на эмоциях.

— Нет. На эмоциях я хотела отключить эфир. Но не отключила.

Он ушел.

Ирина заперла дверь и осталась в прихожей. Из комнаты Лизы не доносилось ни звука. На тумбе лежали ключи Вадима, рядом — квитанция из химчистки, которую он утром попросил забрать.

Она села на низкую банкетку и открыла присланный файл.

«Мы с Ириной приняли решение расстаться несколько месяцев назад. Все это время мы сохраняли хорошие отношения и продолжали работать вместе. Просим не искать виноватых и уважать покой нашей дочери».

Ни одного прямого обвинения. Ни одного слова, которое легко опровергнуть отдельно от остальных. Текст превращал девять месяцев обмана в обоюдное решение и заранее объявлял любое несогласие поиском виноватых.

Ирина переслала документ Наталье Соколовой.

Они познакомились десять лет назад на съемке выпуска о семейной медиации. Наталья тогда отказалась произнести подготовленную редактором фразу и потребовала убрать из сюжета ребенка, которого снимали без согласия отца. Выпуск пришлось переделать, зато с тех пор Ирина знала, кому звонить, когда требовался юрист без любви к телевизионным

эффектам.

Наталья ответила сразу.

— Ты дома?

— Да.

— Одна?

— Лиза в комнате. Вадим уехал.

— Ничего не подписывай и не отвечай на заявление. Совместные счета не опустошай, замки не меняй, его вещи не выставляй. Завтра в девять можешь быть у меня?

— Могу.

— Документы на квартиру, свидетельство о браке, выписки по общим счетам за год. Не для того, чтобы искать любовницу. Нам нужно понять имущество и обязательства.

— Он предложил оставить мне часть денег от квартиры, если я подтверждаю текст.

— Квартира куплена в браке?

— Да.

— Тогда он пока предлагает тебе обменять законный интерес на ложное заявление. Завтра разберем спокойно.

Ирина закрыла глаза.

— Наташа, ты видела эфир?

— Видела фрагмент. Полный выпуск посмотрю только если понадобится для работы.

Это было лучше соболезнавания.

— Спасибо.

— Поешь и постарайся поспать.

— Второе звучит как юридическая рекомендация?

— Как рекомендация человека, который завтра не хочет три часа объяснять тебе один и тот же пункт.

После разговора Ирина проверила общий банковский счет. Остаток не изменился. Среди операций за последние месяцы были рестораны, бензин, покупки для дома, ее платежи, траты Вадима. Несколько одинаковых списаний от гостиницы возле аэропорта она видела и раньше: выездные гости часто прилетали поздно, ведущему бронировали номер между съемками. Платил канал или программа, поэтому Ирина не обращала внимания.

Теперь даты складывались иначе.

Она скачала выписку целиком и закрыла приложение. Искать подтверждение измены ночью было все равно что вскрывать стену молотком, чтобы проверить проводку. Повреждений станет больше, а света не прибавится.

Лиза вышла около полуночи.

— Он ушел?

— Да.

— Надолго?

— Думаю, да.

Дочь села рядом на банкетку и посмотрела на ключи.

— Можно я их уберу? Мне неприятно.

— Можно.

Лиза положила связку в верхний ящик тумбы.

— В школе все равно узнают, если я не приду.

— Уже знают.

— Точно.

— Ты можешь не объяснять причину отсутствия.

— Я знаю. Просто раньше папа был человеком из телевизора для всех, кроме меня. А теперь он и для меня оттуда.

Ирина не нашла ответа, который не звучал бы как обещание исправить неисправимое.

— Хочешь спать со мной? — спросила она.

— Мне семнадцать.

— Это не ответ.

— Хочу. Только не обнимай меня всю ночь. У тебя рука тяжелая.

— Договорились.

Утром у главного входа в «Вектор» стояло восемь камер.

Ирина въехала на подземную парковку, но и там ее ждали двое сотрудников с телефонами. Они спрятали экраны, когда она вышла из машины. В лифте молодой монтажер пробормотал приветствие и сошел на этаж раньше своего.

За ночь фрагмент эфира посмотрели несколько миллионов раз. Вадим опубликовал заявление один. В тексте не было имени Ирины в качестве соавтора, но сохранилась фраза о давнем совместном решении.

Ирина ничего не ответила.

В девять она встретилась с Натальей, передала документы и подписала доверенность на подготовку заявления о разво-

де. В одиннадцать вошла в редакцию. Ее стол был завален цветами, которые прислали неизвестные подписчики. К одной корзине прикрепили карточку: «Держитесь, мы с вами». Саша убрала ее до того, как Ирина успела попросить.

— Цветы можно отдать в холл, — сказала Ирина. — Только карточки снимите.

— Уже. Вадима нет. Кристина приехала, сидит у себя.

— Выпуск сегодня?

— Повтор документального цикла. Беляев закрыл нас на неделю.

— Кто сообщил?

— Рассылка в семь утра. В три общее собрание.

На рабочей почте Ирину ждали двести писем. Несколько редакторов просили подтвердить планы, рекламная служба требовала материалы для анонса, отдел кадров предлагал консультацию психолога. От Максима Беляева пришло одно сообщение: «Ирина Андреевна, прошу зайти в 12:00. Кабинет 614».

Она ответила подтверждением и открыла производственный календарь. Даже закрытое шоу оставляло счета, договоры, неиспользованные съемки и людей, которым нужно было объяснить, выйдут ли они завтра на работу.

Вадим появился без пятнадцати двенадцать. Редакция замолчала. Он прошел к своему кабинету вместе с Сергеем Маловым, не глядя на Ирину. За ними двигался юрист ведущего, которого она знала по корпоративным праздникам.

Через минуту на столе Ирины зазвонил внутренний телефон.

— Ты видела заявление? — спросил Вадим вместо приветствия.

— Видела.

— Почему молчишь?

— Потому что не согласна.

— Тебя ждут в шестом кабинете?

— Да.

— Беляев хочет закрыть программу. Если мы выступим вместе, у него не будет основания.

— Основание — твое решение использовать прямой эфир без согласования.

— Не будь наивной. Ему нужен повод сменить команду. Ты следующая.

— Тогда мое ложное заявление ничего не спасет.

Она положила трубку.

Кабинет генерального продюсера еще не успел стать кабинетом Максима. На полках стояли чужие награды, у окна погибал фикус, на стене висела схема вещания двухлетней давности. Сам Беляев сидел за столом, заваленным папками, и читал отчет на бумаге.

— Проходите, — сказал он. — Дверь можно оставить открытой или закрыть. Как вам удобнее.

Ирина закрыла.

— Вчера вы просили ничего не публиковать от имени ка-

нала, — продолжил он. — Просьба выполнена. Личное заявление Вадима размещено без наших ресурсов.

— Я видела.

— Сегодняшний и три следующих выпуска сняты с эфира. Команда получает оплату по графику на эту неделю. Дальше решения пока нет.

— Меня увольняют?

— Нет.

— Отстраняют?

— От производства «Главного разговора» — временно. Не из-за вашего брака. Вы отвечали за эфир, в котором ведущий без согласования изменил содержание и создал юридический и рекламный риск.

— Я могла отключить трансляцию.

— Почему не отключили?

— Он уже начал. Прерывание сделало бы канал участником семейного спора и дало бы ему возможность сказать, что мы скрываем заявление. Я вывела рекламу после законченной фразы и убрала продолжение темы.

Максим кивнул.

— Я принял бы то же решение.

— Тогда в чем моя ответственность?

— В том, что она есть у любого человека, который принимает решение в эфире. Правильный выбор не отменяет последствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.